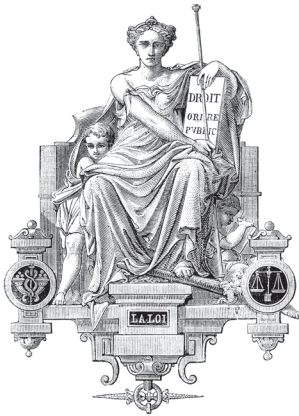

Жюль Мишле

ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В ШЕСТИ ТОМАХ

I

Издание подготовили

Ю.В. ГУСЕВА, А.В. ГОРДОН, Н.Т. ПАХСАРЬЯН

Научно-издательский центр
«ЛАДОМИР»
«Наука»
Москва

J. Michelet

ЖЮЛЬ МИШЛЕ

Конец 1830-х годов

ИСТОРИЯ
ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ
1847 года

сякий раз, когда в конце учебного года я схожу с кафедры и вижу, как рассасывается толпа и уходит еще одно поколение учеников, которых мне уже более не суждено увидеть, мои мысли устремляются назад, в мое прошлое, я сосредоточиваюсь, погружаюсь в себя.

Лето приближается, город уже не такой многолюдный, на улицах нет прежнего шума, зато камни мостовой вокруг моего Пантеона порождают более звонкое эхо. Большие черные и белые плиты звучат у меня под ногами.

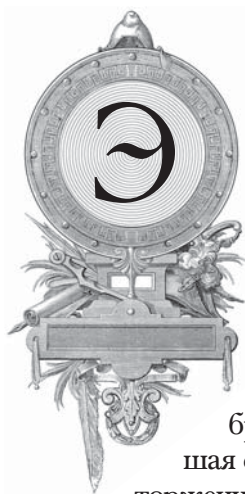
Я вновь погружаюсь в себя. Я вопрошаю предмет, который преподаю, то есть историю и ее всемогущего выразителя, а именно — Духа Революции.

Ибо ему ведомо — неведомое другим. Он хранил свою тайну все предшествующие века. Только в нем Франция себя осознала. В любую минуту слабости, когда нам кажется, что мы забываем себя, только в нем мы должны себя искать, возвращая себя к жизни. Именно в нем сохраняется для нас глубокая тайна жизни, ее неугасимая искра.

Революция живет в нас, в наших душах — а вне нас у нее нет монументов. Живой дух Франции, где же я могу уловить тебя, если не в себе самом? Череда властителей, во всём враждебных, сохраняла согласие в одном: возродить, извлечь из забвения, разбудить века далекие и уже умершие... Тебя — они хотели бы забыть... И почему? Ты один, только ты жив.

ПРЕДИСЛОВИЕ
1868 года

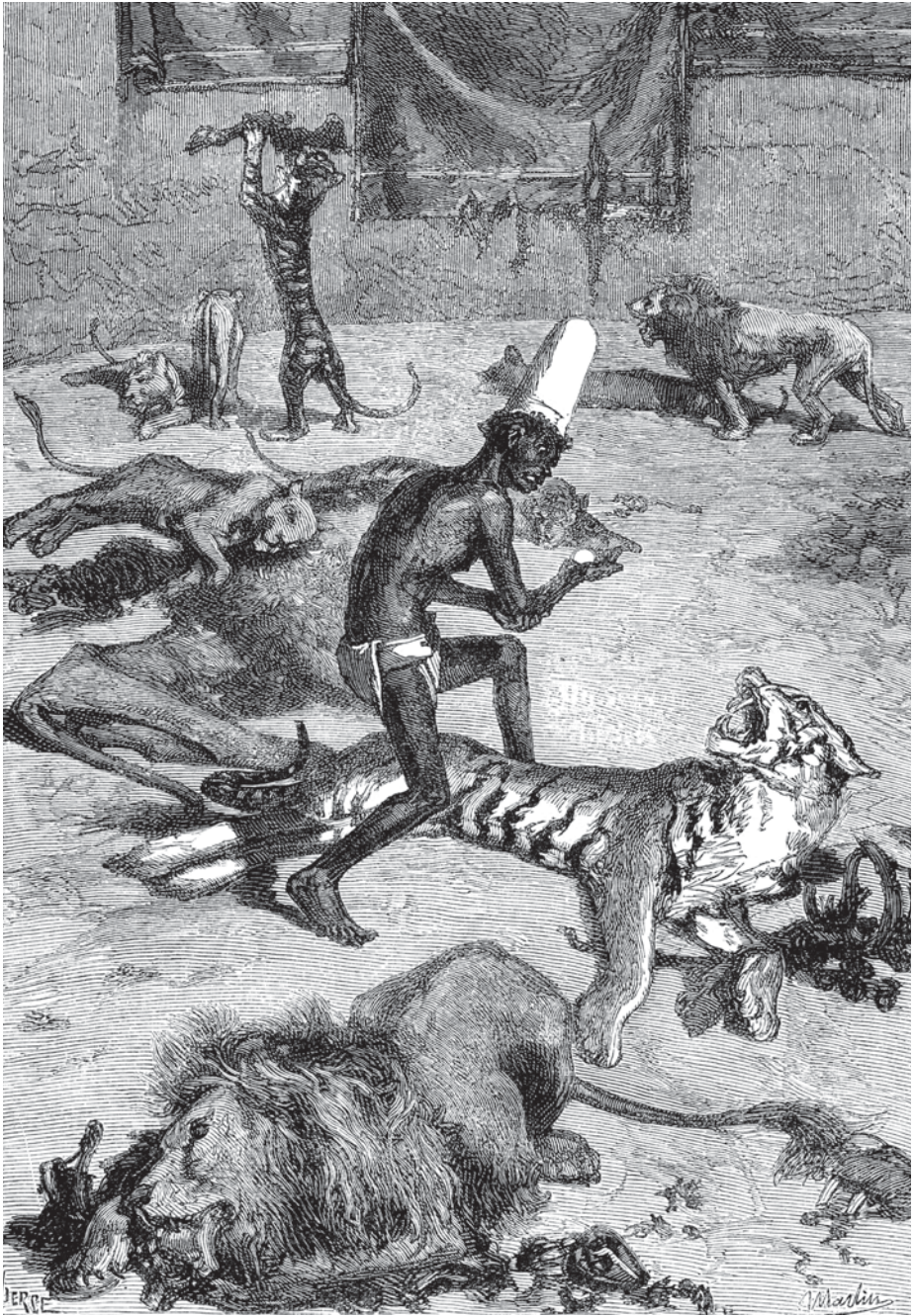

тому труду, потребовавшему от меня тяжких усилий, кропотливой работы и восьми лет жизни, волею судьбы не была предназначена счастливая участь легких импровизаций — озарений, нисходящих на их творцов во дни мира. Он создавался в самой гуще бурных событий своего времени.

Два тома вышли в свет в феврале. Они повествовали о первых, самых прекрасных днях Революции, тогда еще доверчивой, милосердной и питавшей ко всем братские чувства, — словом, такой, какой была ее младшая сестра, Революция 1848 года. Мои книги встретили восторженный прием, их приветствовали на знаменитых банкетах того времени.

Затем произошли ужасные события. Я не отступил, не оставил своих исследований. Три следующих тома вышли из печати в 1850 году¹. Тогда казалось, что вся жизнь замерла, что голоса литераторов умолкли. Не видя вокруг себя ничего, кроме поставленной цели, я, работая в недрах наших архивов, трудясь над развалинами целого мира, в какой-то момент мог подумать, что остался единственным человеком на земле, последним представителем рода людского...

Покинув Париж после того, что случилось 2 декабря², не захватив с собой ничего, кроме документов и бумаг, имевших касательство к событиям, коим должны были быть посвящены последние тома моего труда, то есть к эпохе Террора, я дописывал мою «Историю» в Нанте, у врат Вандеи, в полном одиночестве.

сом, стоит ли прерывать отдых ради такой смехотворной добычи. А он, полумертвый от страха, съжившийся, сгорбленный, сжавшийся в комок, как будто хотел врасти в землю, словно говорил (если вообще мог говорить): «Увы! Увы! Я такой тощий! Львы, господа львы, смилуйтесь, дайте пройти жалкому скелету, такая пища недостойна вас...» Никогда ни один шут или мим не производил такого впечатления на публику; странные гримасы, конвульсии страха заставляли всех присутствующих безумно смеяться; люди корчились от хохота, ревели, гоготали; на трибунах бушевала ужасающая буря веселья.

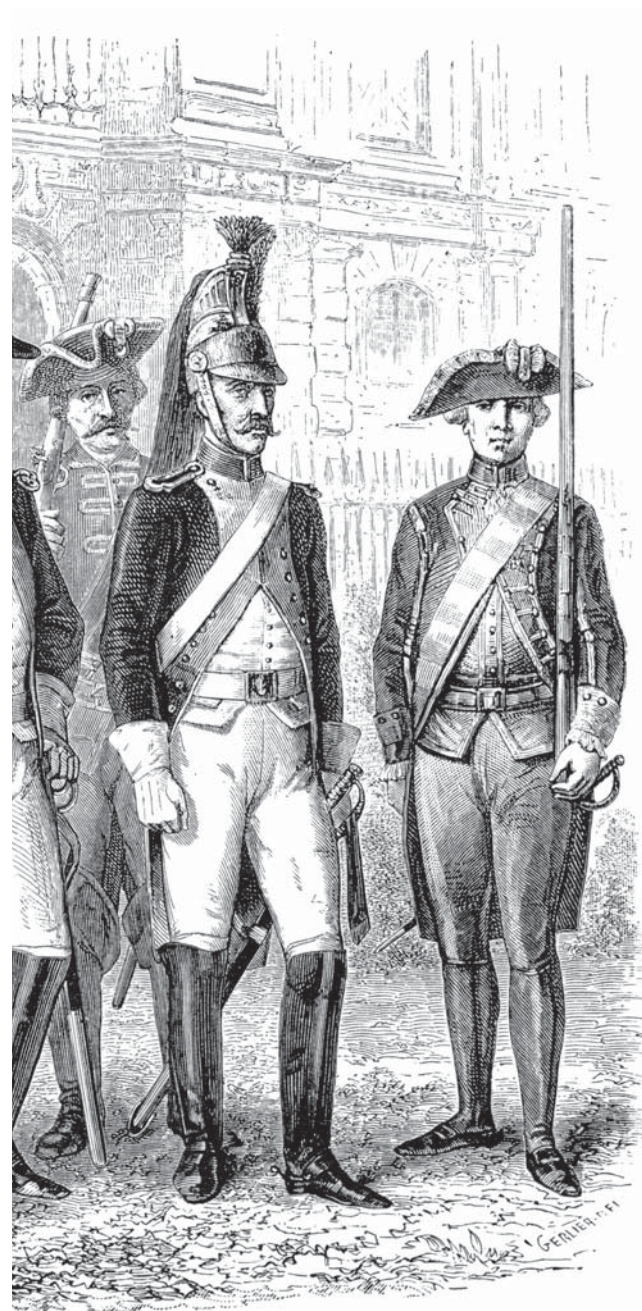
Я вынужден сказать, как бы тяжело это ни было, что подобные зрелища возобновились к концу средних веков, когда старый принцип, пришедший в ярость от осознания того, что умирает, вообразил, будто еще успеет умертвить человеческую мысль. И тогда, как в Колизее, вновь предстали взору жалкие рабы, несущие среди зверей, отнюдь не сытых, не полусонных, но яростных, ожесточенных, жадных, бедное крохотное хранилище гонимой истины, хрупкое яйцо, которое могло спасти мир, если донести его до алтаря...

Есть люди, которые посмеются над этим... но горе им!.. Я никогда не стал бы смеяться при виде подобного зрелища... Этот фарс, судорожные движения, направленные на то, чтобы отвлечь рычащих монстров, чтобы позабавить недостойный народ, болью обжигают меня... Рабы, которых я вижу выходящими на обагренную кровью арену, — это же повелители духа, благодетели рода людского... О мои отцы, мои братья, Вольтер, Мольер, Рабле, драгоценные друзья моей мысли, не вас ли я узнаю, дрожащих, страдающих, смешных, под этими печальными масками и костюмами? Величественные, возвышенные, гениальные умы, которым было поручено нести вместилище божественного наследия, — значит, вы приняли ради нас это исказившее вас мученичество, стали шутами страха?..

Униженные?! О нет, никогда! С самого центра арены они едва слышно шептали мне: «Что в том, друг мой, что над нами смеются? Что

← «...дайте пройти жалкому скелету, такая пища недостойна вас...»

- ← Слева направо:
- королевский стражник;
 - штабной офицер Французской гвардии;
 - королевский кирасир;
 - карабинер;
 - драгун;
 - караульный

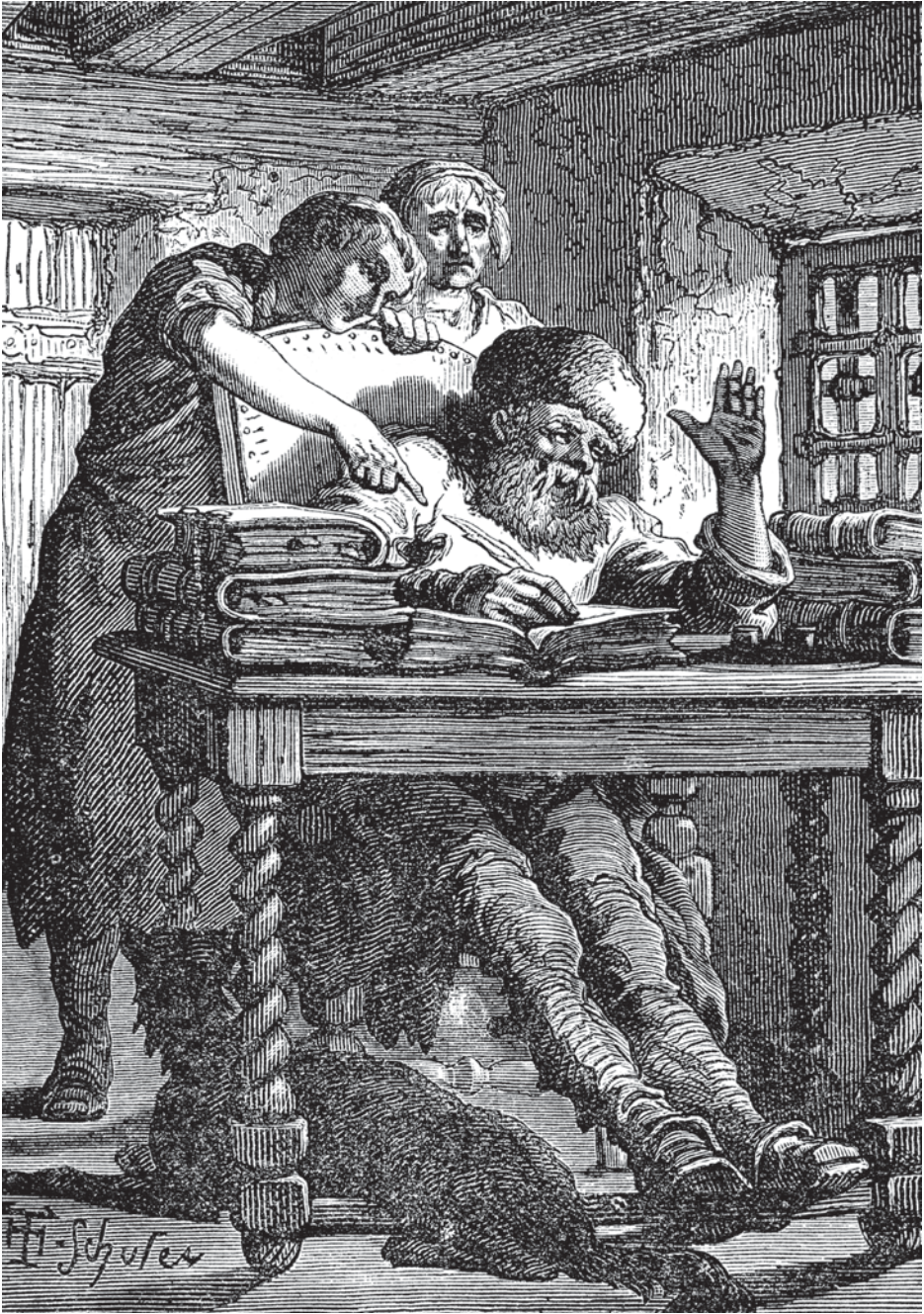
ствительных — настолько, что они не переносили самого вида несчастных. Они сталкивались с ними в идиллиях, операх, сказках и романах, заставлявших проливать сладкие слезы, плакали вместе с Бернарденом де Сен-Пьером, с Гретри и Седеном, с Беркеном и Флорианом, гордились этим и говорили себе: «Я добр».

Обладателям столь мягкого сердца и легкого характера, неспособным удержаться от трат, требовались деньги, много денег, больше, чем их отцам. Отсюда необходимость извлекать всё новые доходы из принадлежащих им земель, отдавать крестьянина во власть «денежных мешков», управителей и деловых людей. Чем добросердечней были господа, чем больше они проявляли великодушия и склонности к филантропии в Париже, тем вернее их вассалы умирали с голоду; сеньоры старались как можно реже появляться в своих замках, дабы не наблюдать нищету, вид которой заставил бы их слишком страдать.

Таким в целом было это общество, слабое, дряхлое и изнеженное. Оно не желало видеть угнетения и угнетало только через доверенных лиц. Однако не было недостатка в дворянах-провинциалах, ставивших себе в заслугу соблюдение в своих замках суровых феодальных традиций. Они самовластно и жестоко правили своими семьями и вассалами. Стоит только вспомнить отца Мирабо, знаменитого «Друга людей» и врага собственного семейства⁵², державшего в заточении жену, сыновей и дочерей, исправно пополнявшего государственные тюрьмы, судившегося с соседями и доводившего до отчаяния своих людей. Он рассказывает, что, устроив как-то праздник, был удивлен мрачным, диковатым видом крестьян. Охотно верю: должно быть, бедняки опасались, как бы этот «Друг людей» не отнесся к ним как к собственным детям.

Потому неудивительно, что крестьянин, взявшись однажды за оружие, воспользовался им и отплатил за все обиды. Многие сеньоры жестоко притесняли общины, и те припомнили им это. Один помещик огородил стеной родник, который прежде поил всю деревню, другой

Отсюда необходимость... отдавать крестьянина во власть →
«денежных мешков»...

Не приходилось сомневаться, что Людовик XVI сам, безо всякого давления извне, отвергнет или, по крайней мере, попытается каким-то образом обойти положения «Декларации прав» и декретов 4 августа.

Но отсюда было еще далеко до решительных действий, открытой борьбы. Король испытывал ужас перед кровопролитием. Его можно было вынудить воевать, но представлялось немислимим получить от него непосредственный приказ вступить в бой.

Королеве не приходилось ждать поддержки от ее брата Иосифа, слишком занятого в то время Бельгией⁸³. Из Австрии она получала лишь советы через посла Мерси д'Аржанто. Войска были ненадежны. Королева могла рассчитывать лишь на значительное число офицеров военно-морского флота и сухопутных войск, а также швейцарцев и немцев. А главное, на формирования, стоявшие в Меце и окрестностях, 25–30 тысяч солдат под командованием преданного, энергичного офицера, не раз доказавшего на деле свою стойкость и мужество, маркиза де Буйе. Он поддерживал во вверенных ему войсках суровую дисциплину, внушая подчиненным неприязнь и презрение к буржуа и простолюдинам.

Королева в любой момент готова была бежать, укрыться в лагере Буйе и начать гражданскую войну.

Но так как король не решался на это, ей оставалось лишь ждать, использовать и компрометировать Неккера, использовать Байи и Лафайета, не препятствовать хаосу и анархии — до тех пор, пока народ, повиновавшийся, по-видимому, чуждой воле, не устанет от своих вожakov, обрекавших его на голодную смерть. Жестокая нужда должна была успокоить, обуздать, сокрушить его. Ожидалось со дня на день, что народ станет молить о возвращении Старого порядка, славных времен, попросит короля вернуть себе абсолютную власть.

«При короле у вас был хлеб; теперь у вас тысяча двести королей, так потребуйте же хлеба у них!» Фраза эта, приписываемая одному из тогдашних министров*, произносил он ее в действительности или нет, выражала мысль двора.

* См. статью «Сен-При» в «Biographie Michaud», очевидно написанную на основе сведений, предоставленных семьей, пристрастную, но любопытную. [Biographie universelle ancienne et moderne / sous la dir. de M. Michaud. T. 37. Paris, 1843. P. 402–413.]

Император Иосиф II

Содержание

Жюль Мишле

ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В шести томах

ТО М П Е Р В Ы Й

ПРЕДИСЛОВИЕ 1847 ГОДА

Пер. с фр. Э.М. Шапиро под общ. ред. Ю.В. Гусевой

«Всякий раз, когда в конце учебного года...» 9

ПРЕДИСЛОВИЕ 1868 ГОДА

Пер. с фр. Э.М. Шапиро под общ. ред. Ю.В. Гусевой

«Этому труду, потребовавшему от меня тяжких усилий...» 23

ВВЕДЕНИЕ

Пер. с фр. Э.М. Шапиро под общ. ред. Ю.В. Гусевой

Часть первая

О религии средних веков

1.	43
2.	47
3.	54
4.	57

5.	65
---------	----

Часть вторая

О старой монархии

1.	70
2.	73
3.	81
4.	82
5.	89
6.	92
7.	96
8. О «Красной книге»	100
9. Бастилия	105

КНИГА ПЕРВАЯ

апрель—июль 1789 года

Пер. с фр. Э.М. Шапиро под общ. ред. Ю.В. Гусевой

Глава 1	
Выборы 1789 года	119
Глава 2	
Открытие Генеральных штатов	136
Глава 3	
Национальное собрание	152
Глава 4	
Клятва в Зале для игры в мяч	169
Глава 5	
Волнения в Париже	184
Глава 6	
Восстание в Париже	208
Глава 7	
Взятие Бастилии (14 июля 1789 года)	222

КНИГА ВТОРАЯ

14 июля — 6 октября 1789 года

Пер. с фр. Э.М. Шатифо (гл. 1), М.С. Клёнская (гл. 2—7)

под общ. ред. Ю.В. Гусевой

Глава 1	
Фальшивый мир.	245
Глава 2	
Народные суды	266
Глава 3	
Вооруженная Франция	286
Глава 4	
Ночь 4 августа	309
Глава 5	
Духовенство. Новая вера	327
Глава 6	
Вето	345
Глава 7	
Пресса	355
Глава 8	
Народ отправляется за королем (5 октября 1789 года)	370
Глава 9	
Народ увозит короля в Париж (6 октября 1789 года)	391

О МЕТОДЕ И ИДЕЕ ЭТОЙ КНИГИ

Пер. с фр. Ю.В. Гусевой

«Настоящий том включает в себя две части...»	417
--	-----

КНИГА ТРЕТЬЯ

6 октября 1789 года — 14 июля 1790 года

Пер. с фр. М.С. Клёнская под общ. ред. Ю.В. Гусевой

Глава 1	
Всеобщее доброе отношение к королю (<i>октябрь 89-го года</i>). Дух братства (<i>октябрь–июль</i>)	451
Глава 2	
Противодействие Революции. Духовенство (<i>октябрь–ноябрь 89-го года</i>)	459
Глава 3	
Противодействие Революции. Духовенство. Парламенты. Провинциальные штаты	469
Глава 4	
Противодействие Революции. Парламенты. Движение федераций	481
Глава 5	
Противодействие Революции. Королева и Австрия (<i>октябрь–февраль</i>)	493
Глава 6	
Королева и Австрия. Королева и Мирабо. Армия (<i>март–май 1790 года</i>)	511
Глава 7	
Борьба вокруг религии. Пасха. Страсти Людовика XVI	529
Глава 8	
Религиозная борьба. Успехи контрреволюции (<i>май 1790 года</i>)	543
Глава 9	
Религиозная борьба. Контрреволюция на Юге подавлена (<i>июнь 1790 года</i>)	562
Глава 10	
О новых принципах. Франция стихийно организуется (<i>июль 1789 года – июль 1790 года</i>)	580
Глава 11	
О новой религии. Федерации (<i>июль 89-го – июль 90-го</i>)	590
Глава 12	
О новой религии. Национальная федерация (<i>14 июля 90-го года</i>)	606

**КНИГА
ШЕСТНАДЦАТАЯ**

ГЛАВА 1

КАРЬЕ В НАНТЕ.

ИСТРЕБЛЕНИЕ ВАНДЕЙЦЕВ

(22 октября — 13 декабря 93-го года)

Ошибки каждой из сторон. —

Горе Клебера. — Покончить с Вандеей призван Карье. — Беспощадность обеих партий. — Варварство вандейцев. — Страх Карье. — Сопротивление, которое он встретил в Нанте. — Положение в городских тюрьмах. — Революционный комитет. — Креол Гуллен. — Потопления. — Победы при Ле-Мане и Савене (12–13 декабря 93-го года). — Как Карье содействовал им.

итатели, наверно, могли решить, что я совсем упустил из виду происходящее на западе и, увлеченный, захваченный водоворотом событий в центре страны, раз и навсегда оставил в стороне вандейские перипетии.

Центр начинал о них забывать. Устремив взоры на столицу и север, он пренебрегал остальным. Запад напоминал собою остров. Нант получал продовольствие из Америки, и, когда миновала угроза высадки английского десанта, о Вандее как-то перестали вспоминать.

Избави Бог, чтобы я поступил так же, проявил неуважение к памяти наших отцов, позабыл о славных республиканских армиях. Насколько это в моих скромных силах, я воздам должное нашим храбрцам, расскажу, как героические воины, непобедимые в Германии, гибли в вандейских болотах — не столько под огнем мятежников, сколько по вине своих бездарных командиров.

Священников жители города хотели утопить еще в сентябре 92-го. Известие об их казни не вызвало ужаса*. Сразу же нашлись добровольцы, готовые стать палачами.

Второе потопление (в ночь с 9 на 10 декабря) стало ответом на попытку в тюрьмах поднять восстание²³.

Карье, хоть и позаботился о том, чтобы не отдавать письменных приказов, не был вполне уверен в том, как воспримет его деяния Конвент. И решил прощупать настрой депутатов, обратившись к ним со странным письмом, где пытался выдать массовые казни за несчастный случай. Сообщив об успехе республиканских армий, он присовокупил: «*Но почему случилось так, что это событие сопровождалось еще одним? Прошедшей ночью пятьдесят восемь священников потонули в реке...*»²⁴ Что за революционный поток эта Луара!»²⁵

Позднее он извещал Конвент, что пленные прибывают сотнями, и отныне он прикажет расстреливать их.

Запутанный узел Вандей был разрублен, надо признать, благодаря стечению обстоятельств. Вандейцам не удалось взять Гранвил; английский флот не явился, чтобы поддержать их с моря. Они отступили в беспорядке, не желая больше повиноваться своим командирам, полагая — и не без основания, — что те намерены бросить их на произвол судьбы. Всё еще грозные, ярившиеся от отчаяния и лишений, они могли двинуться на Бретань. Но предпочли умереть на пути к родным

* Если вспомнить об ужасах отступления Наполеона из России, станет понятно состояние отчаяния, бессилия, безразличия к себе и другим, охватившее город Нант. Один торговец, который жив и поныне, однажды откровенно признался одному из наших друзей: «Мы обессилели от постоянного недоедания и недосыпания. Из трех ночей две проводили в дозоре. Однажды двое наших товарищей в ночном патруле упали без чувств; мы взвалили их на носилки и понесли. Но у нас тоже не было сил... Не знаю, поверят ли мне. Я сам едва могу верить... Мы положили носилки посреди улицы, да так и оставили. Наутро парни были мертвы; их нашли замерзшими». Люди, до такой степени безразличные ко всему, тем более не ценили жизнь вандейцев, повинных в их бедствиях.

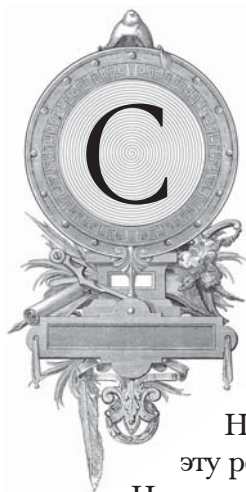
ГЛАВА 2

ДАНТОНИСТЫ ПЫТАЮТСЯ ОБЕЗОРУЖИТЬ ДИКТАТУРУ

(10 марта 94-го года)

Подлог

с целью погубить Дантона. — Дангон старается уйти в тень. — Популярность дантонистов. — Собрание склоняется к снисходительности. — Бурдон добивается ареста главного агента полиции. — Робеспьер настаивает на отмене этого решения. — Его неожиданное заявление у якобинцев.

ен-Жюст в своей речи перед арестом Эбера произнес странные слова: «Устремимся к славе. Пусть в эту торжественную минуту наши чувства разделят все тайные враги тиранов, все те, кто в Европе и в мире носит под одеждой кинжал Брута».

Это вызвало удивление. Неужели наказание Папаша Дюшена и есть *торжественная минута*? И, хотя речь как будто шла о *Европе*, быть может, Бруту в поисках Цезаря не стоило идти так далеко?

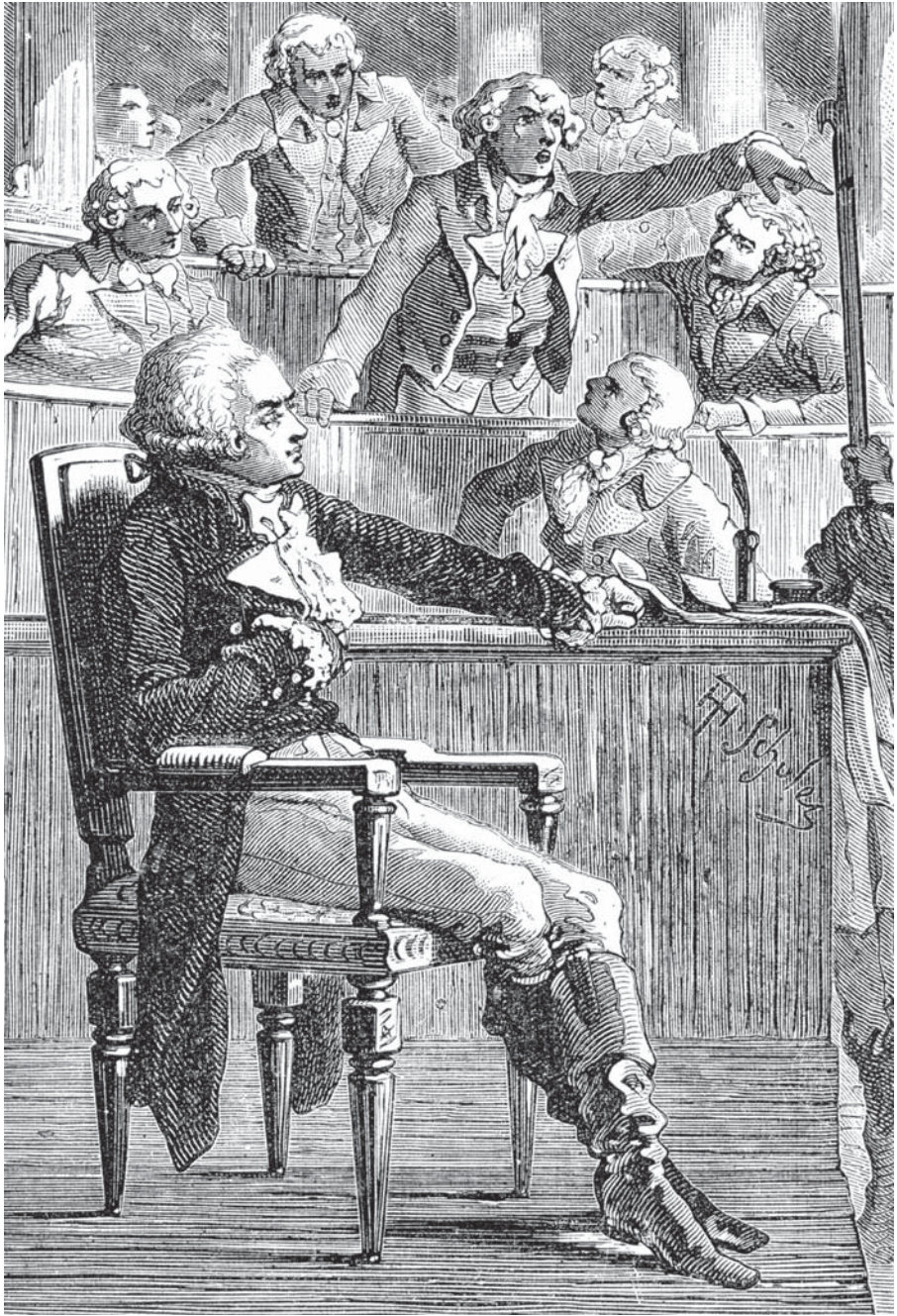
Ни Эбер, ни бедный апостол всемирной Республики на эту роль не годились; кто же тогда?

Несомненно, в иное время, в 92-м году, когда наша родная земля содрогалась от шага вражеских полчищ, когда вся Франция воплотилась в одном человеке, говорила его устами и глаза его метали молнии, — в нем проявлялось что-то от Цезаря, и даже более того... Ибо то была — сама Революция.

Впрочем, чтобы не искать его, всё напечатали черным по белому. На процессе Эбера каждый раз, когда говорилось о диктаторе или Великом судье, вместо Папа дерзко вписывали имя Дантона²⁸.

Усадьба Дантона в Севре

В тот день правые и центр оплатили Робеспьеру добром за то, что он 3 октября уберег от смерти семьдесят три депутата. Все они (особенно священники) верили, что живы лишь благодаря ему. И теперь он делал то, что выгодно им: арестовал Шометта, гильотинировал Клоотца, одним махом, без слов, покончил с культом Разума. Кто угрожал Робеспьеру? Кому он хотел нанести удар? Определенно не Болоту, а бывшим комиссарам, представителям Горы.

И тогда центр и правые единодушно поддержали маленькую группу монтаньяров-робеспьеристов, отменили решение об аресте Эрона, то есть вернули полицию в руки Робеспьера.

Противники его, потерпев поражение в Конвенте, предприняли тем же вечером отчаянную попытку реванша у якобинцев. Тальен довольно ловко напомнил о колебаниях *непоколебимого*: «Аристократы теперь смеются... Долгое время *кое-кто* не хотел бороться против Эбера, собираясь его использовать, а теперь называет его сообщниками тех, кто всегда против него выступал!.. Скажите, по каким признакам должны мы отныне узнавать и отличать патриотов?» Робеспьер не слишком удачно отразил этот меткий удар. Он попытался разжалобить слушателей: «Если вы разом не сокрушите обе клики, мир продлится недолго, наши армии будут разгромлены, в Париже начнется голод, ваши дети погибнут... (*Зал в ужасе содрогается.*) Лионские патриоты уже в отчаянии; друзей Шалье и Гайяра преследуют; они пишут, что у них нет иного выхода, кроме того, что избрали Гайяр и Катон».

Так он совершил нежданный поворот: утром призывал не проливать кровь, а вечером поднял окровавленный стяг ультраревольюционеров Лиона, которые обвиняли в умеренности самих Колло и Фуше!

Таковы были перипетии того странного дня, когда Робеспьер целый час оставался беззащитен и безоружен, как 9 термидора.

Атака захлебнулась. Но, если бы Эрона арестовали, дантонисты одержали бы верх.

У них была наготове вооруженная сила. Брюн разогнал бы ищеек Эрона, а Вестерман зарубил бы бахвала Анрио. Вовсе неспроста храб-

← ...Робеспьер целый час оставался беззащитен и безоружен...

Почему Эро оказался на скамье подсудимых? Хотел бы он это знать. Ему предъявили грубую полицейскую подделку, устроив отвратительный шпионский фарс⁹⁹. Филиппо обвинили в участии в заговоре. Без доказательств и объяснений¹⁰⁰. Восемь дней спустя перед судом предстали его предполагаемые сообщники¹⁰¹. Но на сей раз те же присяжные, что признали его виновным, оправдали подсудимых. Как бы ни очерствели эти люди, они ужасались, сознавая, что обагрили руки кровью праведника.

Сколько ни затягивали прения, ни убивали время, пришлось наконец приступить к допросу Дантона, а значит, позволить ему говорить. И тут всё переменилось. Зал суда преобразился, народ затрепетал, задрожали стекла. И вдруг оказалось, что судья здесь — Дантон; все взоры обратились в другой конец зала, на подлинных обвиняемых, членов комитета, чьи испуганные лица выглядывали в окошко типографа, точно в отверстие гильотины; они сами как будто устыдились и покинули суд один за другим.

Дантон от своего имени, а также от имени Демулена и Филиппо заявил, что их обвиняют, чтобы не дать им самим выступить с обвинениями; они потребовали создания депутатской комиссии, *перед которой намеревались изобличить тифанию комитетов*; потребовали также вызова в качестве свидетелей шестнадцати депутатов Конвента. Эрман, Фулье и Флерио, встревоженные этой речью и поведением публики, без лишних слов объявили заседание закрытым (вечером 3 апреля).

Эта победная речь Дантона, которая увлекла всех, кто ее слышал, и сразила наповал его недостойных судей, — что с нею случилось? Здесь подделавшие отчет потрудились на славу. Они искалечили ее, вычеркнули живые слова и, поскольку в тексте образовалась зияющая пустота, — что они сделали? Поступили еще более нагло (и это поражает при чтении газет, которые все без исключения полностью или выборочно перепечатали заметки, подправленные Коффиналем* и опубликован-

* Этот овернец вообще не церемонился. Хорошо известна история Луазероля, который погиб за своего сына; когда перед Коффиналем вместо юноши предстал старик, судья не потрудился выяснить, что произошло. Он спокойно подделал приговор, изменив имя и исправив возраст осужденного¹⁰².

Дантон
перед Революционным трибуналом

Кто бы мог поверить? Отчаянием человека, которого убивали не выслушав, воспользовались его враги. Они заявили, что его выходка 5 апреля стала причиной декрета, принятого 4-го, что именно от подобного возмущения и неистовства следовало оградить суд, удалив из зала дерзких нарушителей порядка.

Нелепый довод, не выдерживающий простого сопоставления дат, был, впрочем, опровергнут самим судьей, отправившим подсудимых на смерть. Эрман накануне собственной казни признал, что ни Дантон, ни Демулен, ни кто-либо еще из обвиняемых не оскорблял Трибунал.

Еще он признал, что они так и не услышали свой приговор¹¹⁹. Среди криков отчаяния и ярости их буквально выволокли из зала. Это верно, по крайней мере, по отношению к Камиллю, который обеими руками вцепился в скамью. Поскольку его собирались убить вопреки закону, бесчестно, по-разбойничьи, он — сопротивлялся разбойникам. Его пришлось оглушить, точно быка, повалить наземь и скрутить.

Приговор был отпечатан Никола рано утром, еще до вынесения вердикта.

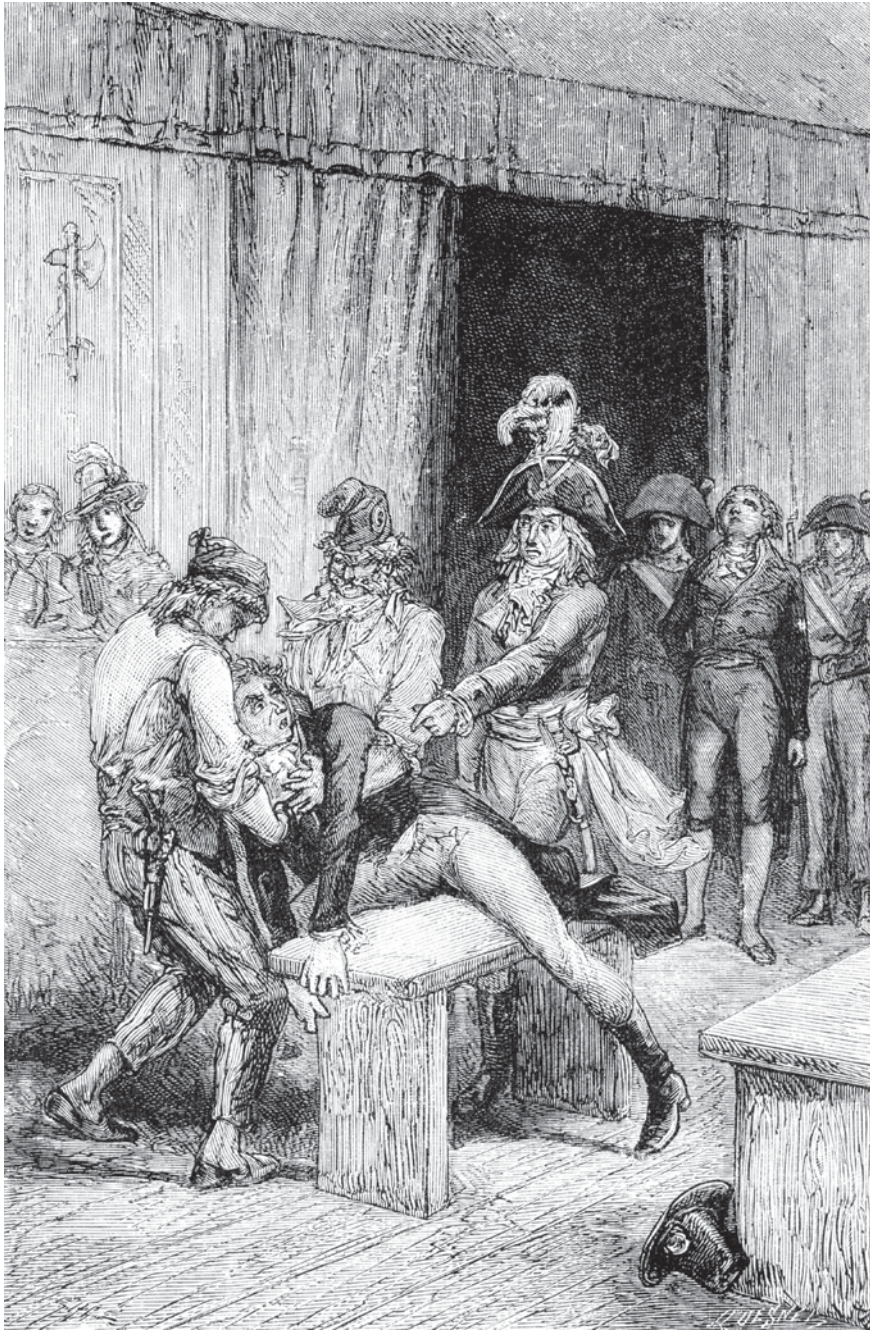
Дантон быстро овладел собой, стал совершенно спокоен, тревожась лишь о судьбе своей родины. Слова, которые он произнес тогда, за внешней грубостью и беспечностью преисполнены были глубокого смысла и горечи:

«Чертовы скоты! Они будут кричать “Да здравствует Республика!”, когда меня повезут на казнь!»

«Всё теперь пойдет наперекосяк... Если бы я мог оставить свои ноги Кутону, а м..я Робеспьеру, дела бы еще шли кое-как».

Все они мужественно встретили смерть. Даже Шабо перед гибелью проявил сожаление и трогательную заботу о друге. Больной, едва оправившийся от отравления (его спасли, чтобы затем отправить на казнь), он думал не о себе, а о Базире, на которого навлек беду: «Я умру, что ж, пусть так! — сказал он. — Но ты, бедный Базир! Ты-то в чем виноват?»

Базир проявил подлинный героизм. В свое время Эбер, его злейший враг, просил передать ему, что, «если он отречется от Шабо, его не тронут». Базир отказался предать друга, который его погубил.

Первым настал черед Эро; он устремился к Дантону, чтобы обнять его на прощанье. Палач не позволил. «Глупец! — сказал Дантон. — Ты не помешаешь нашим головам поцеловаться в корзине».

Камиль поднял взор на окровавленный нож. «Достойная награда, — произнес он, — для первого апостола свободы!»

Он протянул палачу зажатую в руке прядь своих волос и попросил передать Люсиле через ее мать этот последний залог любви.

Дантон сохранил величие в свой смертный час. Поднявшись на эшафот, он с жалостью обвел взором толпу и властно сказал палачу: «Ты покажешь мою голову народу — она того стоит».

Палач выполнил его просьбу и показал ее — на все четыре стороны.

Настала тишина... Все затаили дыхание... А затем слабые возгласы оплаченной клаки перекрыла неистовый крик, точно вырвавшийся из глубины сердец...

Вопль облегчения и торжества роялистов: «Так и надо этой Республике!»

Отчаянный стон патриотов, исполненный искренней муки: «Они обезглавили Францию!»

Альфонс Олар

МИШЛЕ – ИСТОРИК
ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Влияние Мишле на французов во второй половине XIX века было огромно и почти сопоставимо с влиянием Жан-Жака Руссо в восемнадцатом столетии. Оно как будто уменьшилось с модой на исторический материализм в духе Карла Маркса – но лишь на первый взгляд. Самый выдающийся французский социалист, Жорес, в своей «Социалистической истории Французской революции» показал себя в большей степени учеником Мишле, нежели марксистом. Сегодня, когда эгоистическое отупение, последовавшее за мировой войной, начинает вызывать неприятие и побуждает к поискам идеала, о славе Мишле вспомнили вновь: он входит в моду, молодые исследователи посвящают ему свои труды. И, поскольку этим влиянием Мишле обязан прежде всего «Истории Революции», своему шедевру, а также потому, что, в особенности в ту пору, когда властителем умов являлся Тэн, основательность этой книги ставилась под сомнение, я хотел бы рассмотреть в данной статье методы и источники Мишле как историка Революции.

I.

Подобно Ламартину, который в своей «Истории жирондистов» выступил скорее писателем, нежели историком, Мишле представляется многим читателям, особенно тем, кому достаточно прочесть лишь не-

сколько страниц, поэтом, а не ученым, сочинителем, а не исследователем.

Его теория «воскрешения» смущает и вызывает удивление.

Теорию эту Мишле изложил еще в 1833 году, в томе II своей «Истории Франции», частью которой является «История Революции». На с. 701 он так повествует о своей работе в Национальном архиве, среди мертвых документов, пыли и запустения:

И тем не менее, я вскоре ощутил в тиши галерей какое-то движение, шорох, нарушившие безмолвие смерти. Бумаги и пергаменты, оставленные здесь с давних пор, только и ждали, когда их пробудят от смертного сна. Они и не бумаги вовсе, это — жизни людей, провинций, народов. Семейства и феодалы, чьи фамильные гербы скрыты слоем пыли, протестуют против забвения. Провинции восстают, утверждая, что по ошибке централизация сочла их упраздненными. Ордонамы наших королей заявляют, что множество современных законов не властно над ними. Если попытаться выслушать всех, то, как утверждал один могильщик, хоронивший павших на поле боя, не останется ни одного мертвеца. Они живут и говорят, окружают автора стоящей армией, которая решительно вынуждает умолкнуть громкий глас Революции и Империи.

Мишле отвечает им:

Тише, господа мертвые, давайте по порядку, пожалуйста. Вы все имеете право на историю, и обычный человек, и генерал. Прав Феод, но права и Монархия, тем более — Империя. Вам слово, Готфрид¹, и вам, Ришельё, и вам, Бонапарт! Пусть оживет провинция, и всё прежнее многообразие Франции подтвердят строгие данные географии. Да, пусть оно проявится вновь, но лишь при условии, что постепенно уступит место осознанию страны себя как единого целого. И предстанет живою монархия, Франция! Да послужит нам эта попытка классификации путеводной нитью в их запутанном лабиринте. Хоть и несовершенная, она сослужит свою службу. Даже если голова плохо сидит на плечах и нога криво приставлена к телу — воскрешение возможно.

Содержание

Жюль Мишле

ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

*Перевод с французского
Ю.В. Гусевой*

В шести томах

Т О М П Я Т Ы Й

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Глава 1

Карье в Нанте. Истребление вандейцев (22 октября — 13 декабря
93-го года) 2749

Глава 2

Миссия Карье (продолжение) (23 декабря 93-го — 6 февраля 94-го
года) 2772

Глава 3

Борьба Робеспьера против комиссаров Конвента (февраль
94-го года) 2792

Глава 4

Бунт Демулена против Робеспьера (февраль 94-го года) 2808

Глава 5	
Угроза партиям (<i>26 февраля 94-го года</i>)	2817

КНИГА СЕМНАДЦАТАЯ

Глава 1	
Выступление кордельеров. Арест эбертистов. Первый удар по дантонистам (<i>25 февраля — 18 марта 94-го года</i>) ...	2823

Глава 2	
Дантонисты пытаются обезоружить диктатуру (<i>10 марта 94-го года</i>)	2834

Глава 3	
Смерть Эбера и Клоотца. Она предрешает участь Дантона (<i>24 марта</i>)	2846

Глава 4	
От Комитетов добиваются приказа об аресте Дантона (<i>ночь с 30 на 31 марта</i>)	2852

Глава 5	
Арест Дантона, Демулена, Филиппо (<i>31 марта 94-го года</i>)	2857

Глава 6	
Процесс Дантона (<i>2–3 апреля 94-го года</i>)	2866

Глава 7	
Процесс и гибель Дантона, Демулена и их товарищей (<i>4–5 апреля (15–16 жерминаля)</i>)	2876

КНИГА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Глава 1	
Бездействие и бессилие Робеспьера. Верховное Существо (<i>6 апреля 94-го года</i>)	2889

Глава 2	
Смерть Кондорсе (9 апреля 94-го года)	2896
Глава 3	
Гибель Шометта и Коммуны (12 апреля 94-го года)	2905
Глава 4	
Трудное положение Камбона. Ассигнаты, национальные имуще- ства (16 апреля 94-го года)	2914
Глава 5	
«Черная банда»	2919
Глава 6	
Лавуазье. Торжество химии. Нравы в 94-м году	2930

КНИГА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Глава 1	
Разногласия между Робеспьером и Сен-Жюстом (16 апреля)	2939
Глава 2	
Сторонники Робеспьера стремятся упрочить его власть (апрель—май 94-го года)	2949
Глава 3	
Заговор против Робеспьера (май 94-го года)	2959
Глава 4	
Праздник Верховного Существа (8 июня 94-го года)	2966
Глава 5	
Закон 22 прерияля (10 июня 94-го года). Поражение Робеспьера	2970

КНИГА ДВАДЦАТАЯ

Глава 1	
Противоборство двух полиций. Семейство Сент-Амарант. Клевета на Робеспьера (13–14 июня 94-го года)	2983
Глава 2	
«Дело Богородицы». Робеспьер в виде мессии. Казнь семьи Сент-Амарант (15–17 июня 94-го года)	2999
Глава 3	
Фабрикование «заговоров». «Заговор» в Бисетре. Смерть Осселена (24 июня – 1 июля)	3012
Глава 4	
Фабрикование «заговоров» (<i>продолжение</i>). «Заговор» в Люксембургской тюрьме. Якобинцам становится всё труднее следовать за Робеспьером (1–16 июля (12–28 мессидора))	3025

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1	
Кладбища Террора. Протесты предместья Сент-Антуан (июль (<i>мессидор</i>))	3039
Глава 2	
Обе партии готовятся к бою. Робеспьер в Комитете (1–5 термидора (19–23 июля) 94-го года)	3050
Глава 3	
Обвинительная речь Робеспьера. Собрание отказывается ее публиковать (8 термидора (26 июля) 94-го года)	3059
Глава 4	
Ночь с 8 на 9 термидора. Правые предают Робеспьера	3072

Г л а в а 5	
День 9 термидора (27 июля 94-го года)	3082
Г л а в а 6	
Вечер 9-го, ночь с 9-го на 10-е. Бездействие якобинцев	3097
Г л а в а 7	
Ночь. Париж в целом и предместье Сент-Антуан остаются безучастны. Как повели себя «бешеные»	3110
Г л а в а 8	
Ночь. Выступление квартала Сен-Мартен (секций Гравилье и Арси) против Робеспьера. Робеспьер отказывается скрепить подписью призыв к восстанию.	3118
Г л а в а 9	
10 термидора (28 июля). Выстрел убийцы	3124
Г л а в а 10	
10 термидора (продолжение). Казнь. Торжество реакции	3132
[З а к л ю ч е н и е]	
«Заключение этой книги само составило бы целый том»	3137
[ПОСЛЕСЛОВИЕ]	
«Вот и закончена книга...»	3141

ДОПОЛНЕНИЯ

<i>Альфонс Олар.</i> Мишле — историк Великой французской революции. <i>Пер. с фр. Ю.В. Гусевой</i>	3149
<i>Люсьен Февр.</i> Как Жюль Мишле открыл Возрождение. <i>Пер. с фр. Ю.Н. Стефанова</i>	3180

Ил. 29
Список Робеспьера

Надпись на сосуде: «Пудра любви».

Ил. 28

«Любовь глядит сквозь узкое окошко»

Ж. МИШЛЕ И ЕГО СЕМЬЯ

Ил. 55
Жюль Мишле
Худ. Т. Кутюр
Между 1850 и 1879 гг.

Ж. МИШЛЕ И ЕГО СЕМЬЯ

ПАМЯТЬ

Ил. 79
Памятная
доска
на доме
Мишле
в Нанте
Скульптор
Ж. Баро
1970 г.

Ил. 80
Мемориальный
барельеф
на доме № 224
по улице
Сен-Дени
(Париж)
Современная
фотография

ПАМЯТЬ

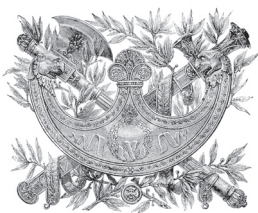
Ил. 81
Памятник
Мишле близ
замка Васкёй
Современная
фотография

Жюль Мишле

ИСТОРИЯ
ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

В ШЕСТИ ТОМАХ

VI

Издание подготовили

Ю.В. ГУСЕВА, А.В. ГОРДОН, Н.Т. ПАХСАРЬЯН

Научно-издательский центр
«ЛАДОМИР»
«Наука»
Москва

Н.Т. Пахсарьян

«ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»
ЖЮЛЯ МИШЛЕ
КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН

Жюль Мишле (1798–1874) неизменно предстает в историях французской литературы как «писатель и историк» (писатель — первое определение) — и по праву. Еще в 1970-е годы французский литературовед Жак Сибакёр писал о нем: «Нет ничего более романического для нас сегодня, чем сочинения Мишле» (Seebacher 1973: 463). А американский исследователь Хейден Уайт тогда же называл труды Мишле «историографией, объясненной через Метафору и построенной по сюжету Романа» (Уайт 2002: 180).

В последние десятилетия, когда активизировался интерес к наследию французских романтиков, специалисты всё отчетливее осознают, что между авторами исторических романов эпохи романтизма — Шатобрианом, Виньи, Гюго, Дюма — и теми, кого в соответствии с сегодняшними представлениями относят к историкам (Мишле — первый в этом ряду), не только не было существенного расхождения, но, наоборот, прослеживалось общее стремление к синтезу историко-хроникального и художественного пространств¹.

В то же время невозможно отрицать, что и сегодня для значительного числа профессиональных историков Ж. Мишле — «отец исторического знания», а его концепции — органическая часть современных представлений об истории. Будучи «первопроходцем в размышлениях о материальной культуре, формах и стилях общества», он одновременно является «историком власти и политики» (Petitier 2019: X), чья «душа», по выражению современного

¹ См., напр., материалы коллоквиума, прошедшего в декабре 2006 г. в Кретейе: HR 2007.

А.В. Гордон

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ЖЮЛЯ МИШЛЕ

«В отечественном Пантеоне Жюль Мишле занимает почетное место рядом с тронном Виктора Гюго. Прохожий читает его имя на табличках с названием улиц, на фасадах школ. Тома “Истории Франции” и “Истории Французской революции” украшают многие домашние библиотеки <...>. Сохранилось ли еще что-то живое под этим парадным золотом и респектабельной пылью?» (Моруа 1983: 202) Андре Моруа отвечал на вопрос положительно. А между тем судьба наследия выдающегося и своеобразного историка-мыслителя оказалась совсем не простой, отразив в полной мере судьбу его отечества.

Драматические события беспрерывно потрясали страну, образуя фатальную и почти апокалиптическую последовательность: Великая французская революция, 9 термидора, 18 брюмера, Сто дней Наполеона, Реставрация, падение Бурбонов, Февральская революция, рождение и крах Второй империи, Парижская Коммуна, капитуляция перед Германией...

Родившемуся на пороге нового века Жюлю Мишле (1798–1874) довелось испытать моменты экстаического воодушевления и социальные потрясения, триумф военных побед и национальное унижение. Он стал вдохновенным и исключительно убедительным свидетелем перелома, случившегося во Франции между концом XVIII века и концом XIX века. Сын Революции, он проповедовал ее идеи, продолжал своим творчеством борьбу за революционные идеалы. Считая народ настоящим героем Революции, верил в его моральную непогрешимость. Отстаивая принципы свободы совести в противостоянии с клерикальной реакцией, соорудил, по собственным словам, новые алтари.

«Мишле своей историей, как и хотел, воздвиг монумент Республике», — заметил Франсуа Фюре. Не Первой и не Второй, а идеалу — Французской

Республике, соединяющей принципы национального единства с демократией, основанной на «религии справедливости и братства» (Furet 1989: 988). И лелеемый Мишле «античный культ гражданского равенства слился с современными представлениями о свободе» (Ibid.). Не будучи, по определению Фюре, «ни буржуазным, ни социалистическим», этот идейный сплав символизировал историческую судьбу Франции, который пыталась воплотить Третья республика (Ibid.: 988–989).

Больше чем кто-либо из историков-современников, Мишле может считаться слагателем республиканского мифа, и Республика вознаградила его за вдохновенный труд и преданность. Вековой юбилей Мишле (1898) был ознаменован национальными торжествами, увенчавшимися банкетом в парижской Ратуше для делегатов муниципалитетов со всей Франции и собранием всей властной иерархии во главе с президентом Республики в Пантеоне.

Имя историка осталось запечатленным в урбанистической топонимии страны. Сорок девять улиц, площадей, бульваров, набережных французских городов (включая столицу) носят имя Мишле. В этом своеобразном национальном рейтинге популярности он опережает многих и многих деятелей культуры первой величины: Декарта, Монтеня, Рабле, Расина, Корнеля, Лафонтена, Руссо, Монтескьё, Бальзака, Сент-Экзюпери, Берлиоза, Дебюсси, Лавуазье (см.: LM 1987/2: 306–307).

Множество научных центров и учебных заведений, библиотек, других культурно-просветительских и социальных (включая Центр материнства и детства в Париже) учреждений носят имя Мишле; среди них — лицеи в Париже, Ванве, Монтобана, Марселе, Ланнемезане, Нанте, Ницце, коллежи в Ангулеме, Бове, Кане, Тулузе, Туре.

Исторической панорамой французских регионов, сказанием о Столетней войне и народной героине Жанне д'Арк, открытием Возрождения, апологией государственного единства и воспеванием Парижа как столицы, наконец, прославлением духовного наследия Революции и патетикой цивилизаторской миссии Франции Мишле больше других историков способствовал формированию национальной идентичности современной Французской республики.

Мишле живо откликался на политические события; можно сказать больше: словом и пером принимал самое активное участие в политической борьбе. Натура политического борца и творческой личности определила его место в сотрясавших страну катаклизмах. Его преподавательская деятельность, начавшаяся в 1820-х годах в Коллеже Святой Барбы (1822) и Высшей педагогической школе (1827), а с 1838 года — профессором Коллежа де Франс, имела

широкий общественный резонанс, став трибуной воспитания республиканского мировоззрения.

По наблюдениям П.В. Анненкова, оставившего впечатляющие свидетельства очевидца об общественной и политической жизни Франции накануне и во время революции 1848 года, смелость Мишле в опровержении признанных авторитетов привлекала на его лекции (заодно с лекциями Кине) в Коллеж де Франс «толпы жаждающих поучения и любопытствующих» (Анненков 1983: 329). Погруженный в борение политических страстей, Мишле снискал не только славу и овации: он бывал и освистанным, что отчасти объяснялось невыразительной, по Анненкову, не характерной для французского красноречия манерой изложения. Примечательно, что в преддверии очередной французской революции историк делился со слушателями своим пониманием опыта первой, и это понимание опиралось на исследовательскую работу (см.: Там же: 110).

Отталкиваясь от лекций и возвращаясь к ним, Мишле чем дальше, тем больше опирался на свои исторические исследования. Создание исторических произведений становилось дополнением, обоснованием и развитием его общественно-политической деятельности. Еще в начале 1830-х годов Мишле приступил к реализации главного замысла своей жизни — написанию «Истории Франции». На этот грандиозный труд (в 17 томах) ушло в общей сложности 34 года (1833—1867). С 1843 года Мишле стал воссоздавать революционную эпопею, и мастерство этого воссоздания, помимо широкого изучения источников (отчасти утраченных с тех пор), определило его место в классической историографии Французской революции, да и — в немалой мере — во французской историографии в целом. Кроме того, он написал еще три тома «Истории XIX века» (доведя изложение до 1815 года).

В обращении к далекому и недавнему прошлому Мишле черпал духовные ресурсы для своей активной общественно-политической деятельности:

Вот уже много лет, как я и Франция — одно. Мне кажется, что я прожил вместе с нею, день за днем, все две тысячи лет ее существования. Самые скверные дни мы видели вместе, и я твердо уверовал, что *Франция — страна неуязвимой надежды*. Бог возлюбил ее больше, чем другие нации, ибо она видит в потемках, там, где взоры других бессильны; в кромешном мраке, царившем и в средние века, и позже, никто не в силах был разглядеть дали, одна лишь Франция увидела их.

Вот что такое Франция! Никогда не говорите о ней «кончено!», ибо она всегда начнет сызнова.

Мишле 1965: 146; курсив мой. — А.Г.

Примечания

Жюль Мишле

ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Предлагаемый вниманию читателей труд Жюля Мишле вот уже на протяжении полутора столетий является для французов той книгой, с которой для многих из них начинается знакомство с одним из важнейших событий в истории своей страны — Великой революцией конца XVIII века. Увидевшее свет в 1847—1853 годах, это сочинение было дополнено и исправлено автором с учетом высказанных в его адрес критических замечаний для второго издания 1868 года и с тех пор многократно переиздавалось во Франции, а также в Италии, Германии, Испании (причем на испанский язык книгу перевел известный писатель В. Бласко Ибаньес).

Настоящий перевод выполнен по изд.: Michelet 1987. Это наиболее полное академическое издание, печатающееся по тексту 1868 года и впервые вышедшее в двух томах в 1952 году в серии «Bibliothèque de la Pléiade» под редакцией и с комментариями французского историка Жерара Вальтера (Walter; 1896—1974), обновленными в 1971 году. При подготовке настоящего издания они были использованы лишь отчасти, поскольку далеко не всегда соответствуют современным представлениям о многих проблемах истории Революции, а также потому, что не учитывают особенности российской читательской аудитории. В 2019 году в той же серии «Bibliothèque de la Pléiade» было републиковано первое издание «Истории Французской революции» 1847—1853 годов; комментарии к нему, под редакцией Польи Петитье (Petitier; род. 1959) (менее обстоятельные, чем в издании под редакцией Ж. Вальтера, однако отражающие современное состояние исторической науки и литературоведения), также частично использовались при подготовке наст. изд.

На русский язык это сочинение Жюля Мишле до сих пор не переводилось — в отличие от трудов Франсуа Минье, Адольфа Тьера, Альфонса де

Ламартина, Луи Блана, Эдгара Кине, Ишполита Тэна, Альбера Сореля, Альфонса Олара, Жана Жореса, Альбера Матеза, Альбера Собуля*. В 1920 году вышла небольшая книжечка «Кордельеры и Дантон»**, представляющая собой тематически подобранные отрывки из «Истории Французской революции» Мишле. В настоящем издании данный перевод не использован и сделан новый, на современном уровне.

Вообще на русский язык до сих пор оказалась переведена лишь малая часть литературного наследия Мишле***. Настоящее издание призвано восполнить этот пробел и ознакомить российского читателя с одним из важнейших произведений писателя и ученого, которое не только считается вершиной французской словесности XIX века, но и оказало значительное влияние на историческую мысль своего времени.

* См., соответственно: *Мишле Ф.* История Французской революции с 1789 по 1814 г. М., 2006; *Тьер А.* История Французской революции (1788–1799): В 3 т. М., 2015–2016; *Ламартин А. де.* История жирондистов: В 4 т. СПб., 1902–1906; *Блан А.* История Французской революции: В 12 т. СПб., 1907–1909; *Кинэ Э.* Революция и критика ее: В 2 т. М., 1908; *Тэн И.* Происхождение современной Франции: В 5 т. СПб., 1907; *Сорель А.* Европа и Французская революция: В 8 т. СПб., 1892–1908; *Олар А.* Политическая история Французской революции: Происхождение и развитие демократии и республики. 1789–1804. М., 1938; *Жорес Ж.* Социалистическая история Французской революции: В 6 т. М., 1976–1983; *Матез А.* Французская революция. Ростов н/Д., 1995; *Собуль А.* Первая республика, 1792–1804. М., 1974. (Указаны последние по времени издания.)

** *Мишле Ж.* Кордельеры и Дантон. Пг., 1920.

*** Исторические работы: *Мишле Ж.* Краткая история Франции до Французской революции. СПб., 1838; *Он же.* Реформа (Из истории Франции в XVI в.). СПб., 1862; *Он же.* История Франции в XVI веке (Эпоха Возрождения). СПб., 1860. (Эти три книги представляют собой выдержки из «Истории Франции».) *Он же.* История XIX века: В 3 т. СПб., 1883–1884; *Он же.* Характеристика Плутарха. [М.], 1888; *Он же.* Очерк современной истории. М., 1912. (Издавался дважды в разных переводах.) *Он же.* Ведьма. Женщина. М., 2007. (Неоднократно переиздавались.)

Научно-популярные работы: *Мишле Ж.* Море. СПб., 1861; *Он же.* Царство насекомых: Общепонят. чтение для всех сословий и возрастов. СПб., 1863; *Он же.* Птица: В 2 ч. СПб., 1878; *Он же.* О системе и жизни Вико: Ист.-биограф. этюд с прил. подроб. перечня содерж. «Новой науки». Харьков, 1896; *Он же.* Народ. М., 1965. (Литературные памятники). Указаны только самостоятельные и последние по времени издания.

ПРЕДИСЛОВИЕ 1847 ГОДА

Десятого февраля 1847 года увидел свет первый том «Истории Французской революции», включающий книги I и II сочинения Мишле. Таким образом, данное предисловие может рассматриваться как программа задуманного им труда.

¹ *Марсово поле — вот единственный памятник, оставленный Революцией...* — Распланированное архитектором Ж.-А. Габриэлем еще в 1765 г. как плац для Военной школы, Марсово поле было расширено до берега Сены к празднику Федерации в годовщину взятия Бастилии 14 июля 1790 г.

² *У Империи есть ее колонна, да к тому же она почти присвоила Триумфальную арку...* — Имеются в виду Вандомская колонна, отлитая в 1806—1810 гг. из трофейных пушек, русских и австрийских, захваченных в битве при Аустерлице, и Триумфальная арка на площади Звезды (ныне — площадь Шарля де Голля), строительство которой также было начато в 1806 г. по распоряжению Наполеона, но официальное открытие состоялось лишь в 1836 г.; за это время при разных политических режимах несколько раз менялось посвящение памятника.

³ *...у Монархии есть ее Лувр и Дом инвалидов...* — Неоднократно достраивавшееся и перестраивавшееся здание Лувра со времен Франциска I (1546 г.) и до переезда Людовика XIV в Версаль (1682 г.) служило официальной резиденцией французских королей; от Франциска I ведет начало и художественная коллекция Лувра. Дом инвалидов был построен по указу Людовика XIV от 1670 г. как дом призрения для уволенных со службы солдат.

⁴ *...феодалная Церковь еще с 1200 года восседает в соборе Парижской Богоматери...* — Возведение собора Парижской Богоматери началось в 1163 г., а 1200-й считается датой завершения первого этапа строительства.

⁵ *Не тот ли, кто заложил Йенский мост?* — Этот мост был построен в 1809—1813 гг. и назван в честь победы Наполеона над пруссаками под Йеной 14 октября 1806 г.

⁶ *«Какой Бог? Неведомо... Здесь обитает Бог!»* — Аллюзия к словам из «Энеиды» Вергилия: «Там обитает один — но не ведаем, кто — из бессмертных» (VIII.352. *Пер. С.А. Ошерова под ред. Ф.А. Петровского*). Благодарим К.А. Чекалова за указание на эту аллюзию.

Содержание

Жюль Мишле

ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

*Перевод с французского
Ю.В. Гусевой*

В шести томах

Т О М Ш Е С Т О Й

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Н.Т. Пахсарьян.</i> «История Французской революции» Жюля Мишле как историографический роман	3211
<i>А.В. Гордон.</i> Историческое наследие Жюля Мишле	3225
<i>Ю.В. Гусева.</i> От переводчика	3298
Примечания. <i>Сост. Ю.В. Гусева, М.И. Шикуню, Т.А. Черновверская</i>	3315
Хронология событий Великой французской революции. <i>Сост. Ю.В. Гусева</i>	3773
Основные даты жизни и творчества Жюля Мишле. <i>Сост. Ю.В. Гусева</i>	3784
Участники и современники Французской революции. Именной указатель. <i>Сост. Ю.В. Гусева</i>	3788
Список сокращений	3992
Портреты Жюля Мишле,	4036
Иллюстрации, репродуцированные в альбомах пятого тома	4037